

Богайчук В. Ж. кандидат політичних наук
УДК 323.282

РОЛЬ И ХАРАКТЕР НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается проблема насилия в политике, его потенциальное социальное содержание, сущность и формы реализации в различных политических режимах.

Ключевые слова: *насилие, политика, политическая элита, режим, терроризм, репрессии.*

РОЛЬ ТА ХАРАКТЕР НАСИЛЬСТВА У ПОЛІТИЦІ

У статті розглядається проблема насильства в політиці, його потенційний соціальний зміст, сутність і форми реалізації в різних політичних режимах.

Ключові слова: *насильство, політика, політична еліта, режим, тероризм, репресії.*

ROLE AND NATURE OF VIOLENCE IN POLITICS

In statte the problem of violence in politics, and its potential social content, the nature and forms of implementation in different political regimes.

Keywords: *violence, politics, the political elite, the regime, terrorism, repression.*

Политическое насилие всегда играло и продолжает играть большую роль в жизни общества. Войны, революции, политические убийства, репрессии по отношению к противникам отмечаются в истории человечества с древнейших времен.

Вместе с тем насилие — это опасное средство политической борьбы. С одной стороны, оно позволяет осуществлять глубокие преобразования общественных отношений. С другой — терроризм, как неограниченное насилие, является источником дестабилизации любой политической системы. Особенно это характерно для режимов, находящихся в стадии становления. Поэтому эта **проблема актуальна** для современного украинского общества.

Цель работы — критически проанализировать роль и характер насилия в политике

По сути, насилие представляет собой применение определенной социальной группой, организацией или отдельными личностями (чаще всего политическими лидерами) различных форм принуждения с целью приобретения или сохранения своего господствующего, ведущего положения в обществе. Оно выступает или в виде прямого насилия, которое выражается в непосредственном применении силы (война, вооруженное восстание, политические репрессии, террор), или в форме косвенного (скрытого) насилия, которое не предполагает непосредственного использования силы (различные формы духовного, психологического давления, политическое вмешательство, экономическая блокада), а включает в себе лишь угрозу применения силы (политическое давление, дипломатический ультиматум).

Применение насилия в политике обуславливается несовместимостью интересов его субъектов, что заставляет их ради реализации своей воли прибегать к средствам принуждения и с их помощью преодолевать противодействие других субъектов. Характер насилия тесно связан с формой реализации политической власти, которая может реализоваться в двух основных формах: господства и руководства. Господство, которое характерно для авторитарных режимов, предполагает полное доминирование какого-либо класса или группы в обществе и опирается на применение насилия в крайних, прямых формах [1].

В демократических режимах власть реализуется в форме руководства, которое предполагает осуществление социальной воли той или иной группы с помощью авторитета, убеждения, влияния, экономического стимулирования, а также использования не прямых путей принуждения. Таким образом, даже в демократических государствах есть насилие, но оно сведено к минимуму, ограничено четкими правовыми и нравственными рамками.

Может ли насилие играть позитивную роль в политике и быть оправданным? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Все зависит от конкретных исторических обстоятельств. Насилие оправдано в том случае, когда, например, политическая борьба ведется против тоталитарного режима и отсутствуют легальные возможности для действий оппозиции. Насилие является справедливым и в случае отражения не спровоцированной вооруженной агрессии извне, при подавлении вооруженного мятежа и других насильственных действий, направленных на свержение демократического государственного строя.

В любом случае насилие должно быть поставлено в жесткие юридические и нравственные

рамки. Во-первых, оно должно осуществляться в строгом соответствии с демократически принятыми законами; во-вторых, оно должно быть направлено непосредственно против субъектов насильственных действий и не сопровождаться ликвидацией фундаментальных прав и свобод; в-третьих, насилие не должно выходить за пределы общечеловеческой нравственности.

Ничем не ограниченное, игнорирующее общечеловеческие, нравственные и правовые нормы насилие всегда связано с аморальностью, жестокостью, невинными жертвами [2]. То есть гипертрофированное насилие не только аморально, но и не конструктивно, оно неизбежно ведет к деформации тех социальных целей, во имя которых совершаются социальные преобразования.

Современная политическая элита использует насилие, когда ее легитимность подвергается угрозе или когда нарушаются действующие юридические нормы. Ее власть в конечном счете основывается на том факте, что она является единственной политической силой, которая в рамках существующего юридического порядка имеет право на применение силы. Насилие — это эффективный окончательный аргумент, которым пользуются элиты для сохранения своей власти. Таким образом, насилие сверху используется для сохранения и воспроизводства отношений господства и подчинения. Соответственно, юридическая система организована таким образом, чтобы облегчить элите применение насилия. Лица, входящие в элиту, пытаются сделать все для того, чтобы использование насилия не выглядело как акт произвола, и окружают его ореолом легитимности.

События 2004 года в Украине убедительно показали, что политические элиты могут быть свергнуты не только тогда, когда они теряют контроль над средствами применения насилия, но и тогда, когда при необходимости его использования они проявляют колебания. Это имеет место в случаях, когда элиты расколоты или когда их члены неверно оценивают возможности своих противников. Исторический опыт свидетельствует, что элиты, не решающиеся применить насилие, легко лишаются власти [4].

Однако такое насилие часто наталкивается на ожесточенное сопротивление со стороны контрэлиты и масс, что может привести к гражданской войне. Контрэлита применяет насилие и в случаях, когда она полагает, что путь к власти для нее закрыт, и к тому же обладает необходимыми физическими и организационными возможностями. Как правило, насилие контрэлиты применяется при поддержке масс, которая может принимать различные формы, такие как уличная борьба, захват помещений, взятие заложников, участие в революционных движениях и т. д.

Одной из наиболее распространенных деструктивных форм современного политического насилия есть государственный и оппозиционный терроризм. Основным оружием государственного террора являются репрессии, оппозиционного — террористические акты. Число жертв при первом типе террора значительно больше, чем при втором. Оба типа взаимосвязаны между собой, провоцируя друг друга. Государственный террор стимулирует появление оппозиционного терроризма, делая невозможными другие методы борьбы, поскольку он жестоко подавляет всякую оппозицию.

Политический анализ недавних событий в Ливии, Египте, Сирии показывает, что к государственному террору чаще прибегают нестабильные режимы с низким уровнем легитимности власти, они не могут поддерживать устойчивость системы экономическими и политическими методами. Стабильные же режимы прибегают к террору в тех случаях, когда они представляют собой «закрытые» системы, изолировавшие сами себя от всего мира [3].

Говоря о характере насилия необходимо отметить, что оно относится к неэкономичным, дорогостоящим средствам власти, так как связано с гораздо большими социальными издержками, чем другие способы властвования. В социальную цену насилия следует включать: а) человеческие жертвы; б) материальные затраты; в) духовные потери.

Человеческие жертвы выражаются, во-первых, в гибели людей; во-вторых, в физическом ущербе от применения насилия (ранения, увечья и т. д.). Количество жертв насилия, разумеется, зависит от его форм. Наиболее интенсивный характер имеют внутренние войны (гражданские и партизанские), восстания, терроризм, репрессии и террор тоталитарных режимов.

Материальные затраты, связанные с насилием, включают в себя расходы на содержание аппарата принуждения, стоимость материальных ценностей, подвергшихся разрушению в результате применения насилия. Разрушение материальных ценностей (зданий, средств коммуникаций, транспорта, орудий труда и т. д.) является неизбежным следствием применения насилия. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты современности, включая те, которые произошли на территории бывшего СССР.

На многие десятилетия назад отброшены в экономическом отношении страны, ставшие ареной гражданских войн, этнополитических и межклановых конфликтов (Таджикистан, Руанда,

Мозамбик и др.). Даже несколько дней вооруженного противостояния в Москве в октябре 1993 г. нанесли огромный экономический ущерб, который оценивается, по разным источникам, от 30 до 300 млрд руб.

Издержки насилия, безусловно, не сводимы к чисто материальным потерям. Чем более масштабный характер носит использование физического принуждения, тем сильнее его влияние на духовную жизнь общества. Насилие обуславливает и значительную дегуманизацию межличностных отношений.

В обществах, пропитанных насилием, культура служит своеобразным орудием принудительной функции государства, обслуживает главным образом его военно-политические, репрессивные потребности. Так, в Древней Спарте вся система образования и воспитания была подчинена единственной цели — формированию воина, а нравственное воспитание было нацелено на формирование человека, не знающего жалости к врагу. Конечно, спартанское общество представляет собой законченный вариант милитаризованного социума, который встречается нечасто. Однако пример Спарты показывает, как далеко может заходить духовная деградация общества под влиянием милитаризации, ничем не ограниченного насилия [5].

Политическая деятельность, в ходе которой применяется насилие, отличается особой непредсказуемостью. Насилие трудно контролировать, ограничивать определенными рамками (масштабами, объектами и т. д.), строго дозировать. Часто в истории попытки ограничить насилие оказывались неудачными. Так, лидеры якобинцев надеялись, что период репрессий будет непродолжительным, и за ним последует «золотой век» Франции. В действительности «золотой век» так и не наступил, несмотря на террор, длившийся почти год.

Руководители большевиков были уверены в легкой победе над царизмом, который они сравнивали с прогнившей стеной, способной рухнуть от одного удара. Они многократно повторяли, что применение ими насилия в ходе революции носит временный характер.

Политическое действие, сопровождающееся насилием, характеризуется неконтролируемой эскалацией, отличается высокой эмоциональной напряженностью, насыщенностью.

В ходе самих насильственных действий, в «горячке боя» трудно сохранить самообладание, контролировать свои эмоции. Угроза физического ущерба, а возможно, и гибели, другие переживания вносят в политические действия, связанные с насилием, значительный элемент случайности.

Насилие, конечно, мотивируется не только ярко выраженными эмоциями. Оно может быть следствием бесстрастной логики. Более того, его часто совершают лица, которые не испытывают никакой неприязни к объекту насилия, а лишь выполняют свой профессиональный долг (военные, полицейские и т. д.). Однако даже рациональное решение, предполагающее применение физического принуждения, в процессе реализации может быть подвергнуто эмоциональной эрозии, ознаменоваться неожиданными поворотами.

Мощное психологическое непредсказуемое воздействие на личность оказывает насилие, совершаемое толпой. Для толпы характерно исчезновение индивидуального сознания, формирование коллективного «бессознательного», снижение интеллектуального потенциала, ответственности ее участников. Эмоциональное влияние толпы трудно преодолеть, оно основано на принципе «заражения». Эмоции толпы отличаются разрушительностью, импульсивностью, неустойчивостью, гипертрофированностью, нетерпением и нетерпимостью к чужим взглядам и поведению. Поэтому массовые формы политического насилия отличаются особой непредсказуемостью, неуправляемостью [3].

Следует отметить, что специфический характер воздействия физического принуждения заставляет его субъектов систематически обращаться к этому средству. Объект подчиняется властной воле только в том случае, если уверен, что угроза применить к нему насилие (в случае непослушания) носит реальный характер. Поэтому угроза насилия должна периодически сопровождаться его прямым применением.

Конечно, в политических системах, отличающихся широким применением насилия во властных отношениях, его масштабы могут со временем сокращаться. Объекты власти, боясь репрессий, способны подчиняться без актуального использования насилия, под воздействием своеобразного «остаточного эффекта» физического принуждения.

Так, в тоталитарных режимах масштабы террора постепенно снижаются. При этом действует следующий механизм: непосредственное (прямое) насилие вызывает страх, который ослабляет сопротивление объекта; дополнительное насилие вызывает еще больший страх, который вместе с физическим устранением активистов обуславливает прекращение сопротивления, что дает

возможность субъекту власти ограничиться угрозой насилия и сократить объем его реального использования [6]. Последнее означает достижение политическим режимом максимальной стабильности. Однако насилие продолжает применяться.

Насилие, как уже неоднократно отмечалось, в качестве политического средства отличается конфронтационностью. Политическая власть представляет собой систему связей, отношений между ее субъектами и объектами. При этом стороны властных отношений одновременно взаимополагают и взаимоотрицают друг друга, находясь в состоянии противоречивого единства. Вместе с тем формы властных отношений различаются между собой с точки зрения диалектики полегания и отрицания: от власти, в которой одна или обе стороны стремятся к полному отрицанию противоположностей, до власти, в которой стороны имеют тенденцию к единству.

Насилие является признаком тех разновидностей властных отношений, которые предполагают антагонизм субъекта и объекта. Оно является выражением безразличия субъекта к интересам объекта, тех, против кого направлено физическое принуждение. Превращая другую сторону в простой объект физического манипулирования, насилие трансформирует социальные и политические отношения в односторонний процесс [7].

Насилие, примененное хотя бы однажды, значительно сокращает пространство для политического маневра, компромиссов. Зерна взаимной ненависти, посеянные в ходе гражданской войны между кланами Севера и Юга Йемена в начале 1960-х гг., дали трагические всходы через 30 лет, когда Северный и Южный Йемен вновь объединились в единое государство. В 1993 г. произошли бои между вооруженными силами северян и южан, которые завершились поражением последних и взятием Адена.

Насилие, как средство политики, отличается тем, что оно способствует распространению в обществе автократических тенденций. Государства, пережившие сколько-нибудь значительные насильственные конфликты, характеризуются ужесточением политических режимов.

Исторический опыт показывает, что насилие, проложившее дорогу к власти определенной группе людей, всегда ведет к более или менее длительному периоду несвободы, террора, преследований. Диктатуры возникли после трех наиболее известных революций (Английской XVII в., Французской XVIII в. и Российской 1917 г.). Победы вооруженного национально-освободительного движения в Латинской Америке в XIX в. лишь усилили авторитарные режимы на континенте.

События, происходящие на территории бывшего СССР, также подтверждают эту закономерность. Политические режимы, установленные в результате вооруженных конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Таджикистане, носят явно авторитарный и даже полукриминальный характер. Беззакония, репрессии, разгул преступности, отличающие общественно-политическую жизнь в этих регионах, создают серьезные препятствия на их пути к гражданскому обществу и правовому государству.

Почему насилие автократично? Прежде всего, насилие обладает инерционностью, способностью превращаться в традицию политической жизни, вытесняя ненасильственные формы и методы политической деятельности, присущие демократии. Там, где насилие доказало свою действенность, например, при отделении от какого-то государства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), при захвате власти (Россия, 1917 г., Никарагуа, 1979 г.) возникает соблазн использовать его и в дальнейшем для других целей.

Применение насилия требует формирования определенного репрессивного аппарата (вооруженные силы, спецслужбы, органы правопорядка или отряды боевиков и т. д.), который претендует на особый статус и привилегии. Аппарат принуждения не испытывает никакого желания терять свои «теплые места», привилегии, влияние. Поэтому он не может находиться в нерабочем состоянии и не прекращает своей работы после того, как власть захвачена или прекращено насильственное сопротивление. Аппарат репрессий и насилия и в последующий период стремится доказать свою важность и нужность. Для этого фабрикуются дела «врагов народа», отыскиваются мнимые подрывные элементы и шпионы.

Более того, можно наблюдать и определенную зависимость гражданских властей от институтов принуждения. В результате вооруженных конфликтов неизбежно усиливается роль армии и вооруженных нерегулярных формирований в политической жизни. Поэтому, несмотря на завершение насильственных конфликтов, в обществе сохраняется атмосфера милитаризма. Правители, пришедшие к власти насильственным путем, активно используют армию и в дальнейшем. Особенно возрастала роль армии в политической жизни после крупных военных катаклизмов XX в. Так, генералы Д. Эйзенхауэр и Шарль Де Голль своим возвышением во многом обязаны военной

доблести. Опасаясь подобного политического восхождения маршала Г. К. Жукова Сталин и последующие правители подвергали его опале [8].

Даже незначительные насильственные столкновения способствуют повышению политического веса армейской верхушки. Так, конфронтация двух ветвей власти в октябре 1993 г. укрепила влияние руководства вооруженных сил России, которое поддержало действия президента и сыграло ключевую роль в его победе над оппозицией. Силловые структуры оказали заметное воздействие на последующие политические акции исполнительной власти (в области борьбы с преступностью, в чеченском кризисе и т. д.).

Не менее существенно возрастают роль и политическое влияние органов политического сыска, спецслужб. Гипертрофированное увеличение штата органов государственной безопасности, их монополия на секретную информацию, бесконтрольность приводят к тому, что их позиции в ряде случаев становятся ключевыми при принятии политических решений. Так, известно, что органы государственной безопасности инициировали многие политические действия руководства КПСС. Немало советских и российских политиков вышло из рядов милиции, КГБ и других силовых структур (Андропов, Алиев, Шеварднадзе, Путин и др.). Та же ситуация характерна и для современной Украины (Марчук, Кожемякин, Кармазин, Москаль...).

Широкое использование насилия во внутривластных конфликтах может спровоцировать приход к власти или усиление позиций сторонников более жесткой политической линии как в среде правящей элиты, так и оппозиции (путем военного переворота, например).

Таким образом, насилие представляет опасность для демократических институтов, потому что требует перестройки всей социальной, экономической, политической системы. Общество начинает как бы обслуживать принудительную функцию государства. В случае угрозы извне или острого внутривластного противоборства в экономике вводится особый режим, отменяются или приостанавливаются некоторые фундаментальные права и свободы и т. д. Все это оправдывается необходимостью борьбы против «внутренних и внешних врагов».

Практика насилия содержит в себе потенциал автократизма, который воплощается в недемократической, квазитоталитарной структуре нелегальных организаций, а затем в формах и методах деятельности политического режима, устанавливаемого насильственным путем. Насилие, систематически применяемое против оппозиции, также способно вызвать в конечном итоге деформацию политической системы, усилить в ней авторитарные тенденции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозаннский Э. Д. Социология политики / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозаннский [Отв. ред. член-корреспондент РАН М. К. Горшков]. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — 256 с.
2. Гаврилов Н. И. Феномен государственной власти народа / Н. И. Гаврилов. — Севастополь: Пресс-канон, 2007. — 300 с.
3. Грин Р. 48 законов власти / Роберт Грин. — М.: Психология, 2009. — 169 с.
4. Крамник В. В. Социально-психологический механизм политической власти / В. В. Крамник. — Л.: Изд-во ЛФИ, 2006. — 320 с.
5. Санистебан Л. С. Основы политической науки / Л. С. Санистебан. — М.: АРТ, 2008. — 352 с.
6. Токвиль А. Демократия в Америке / Алексис де Токвиль. [Пер. с франц. и предисл. Гарольда Дж. Ласки]. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.
7. Тощенко Ж. Т. Социология власти: генезис идей / Жан Терентьевич Тощенко // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 12–23.
8. Дмитриев А. В. Насилие: социополитический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. — М.: РОССПЭН, 2000. — 234 с.

© **Большакова О. В.**

Большакова Ольга Віталіївна — здобувач кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К. Д. Ушинського».

УДК: 1+316+124.5+316.64

АКСІОСФЕРА ПРАВОВОЇ СВІДОМОСТІ ЯК ФОРМИ СУСПІЛЬНОЇ СВІДОМОСТІ

Досліджується аксіосфера правосвідомості як суб'єктивна основа правової свідомості. У статті аналізуються основні цінності права та правосвідомості — свобода, справедливість та істина, взаємозв'язок та взаємообумовленість цінності та істини в праві та правосвідомості.

Ключові слова: *правова свідомість, право, цінності, справедливість, свобода, істина.*

АКСИОСФЕРА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Исследуется аксиосфера правового сознания как субъективное основание правосознания. В статье анализируются основные ценности права и правосознания — свобода, справедливость и истина, взаимосвязь и взаимообусловленность ценности и истины в праве и правосознании.

Ключевые слова: *правовое сознание, право, ценности, справедливость, свобода, истина.*

AXIOSPHERE LEGAL CONSCIENCE AS A FORM OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Investigated axiosphere legal consciousness as a subjective basis of legal consciousness. In the article analyzes the core values of law and legal consciousness — freedom, justice and truth, the relationship and interdependence of values and truth in the law and of justice.

Keywords: *legal consciousness, law, values, justice, freedom, truth.*

Сучасне українське суспільство перебуває на досить складному перехідному етапі. Його суть полягає в тому, що від морально-етичної мотивації поведінки людей як на індивідуальному, так і на суспільно-соціальному рівнях потрібно перейти до філософсько-правових регулятивів. У протилежному випадку очікування людей на високий рівень добробуту не будуть реалізовані, адже, як писали Маркс і Енгельс, мораль політичної економії полягає в отриманні максимально можливого прибутку, для чого потрібно всебічно утверджувати право. Останнє, вже за висловом іншого класика — Гегеля, є органічною складовою філософії як адекватного суспільній цілісності типу світоглядної методології. Підставою для подібних тверджень є вихідна субстанційна засада філософії — пізнай самого себе. Самопізнання об'єктивно має на меті самоврядувальну дію, спрямовану людиною проти себе самої невпорядкованої. Саме таким чином вона започатковує власне людський, а не природно-біологічний, спосіб життя.

Однією з основних проблем правосвідомості людини в сучасному суспільстві є суперечлива природа вищих загальнолюдських та відповідних їм правових цінностей. Ця суперечливість пов'язана перш за все із розбіжностями, які існують між ціннісними орієнтаціями окремих індивідів, між цінностями особи та суспільства і навіть між різними цінностями, які складають світоглядну основу однієї особистості. Крім того, як зазначає Козловський, моральні цінності самі суперечливі за своєю природою. З одного боку, вони спрямовують поведінку людини в альтруїстичному руслі, коли особа нехтує своїм вищим покликанням та дбає насамперед про благо інших, з іншого боку, існує егоїстична позиція, коли особа зловживає особистими інтересами за рахунок інших [7, с. 181–182].

Правова свідомість як відображення суспільного буття з гносеологічної точки зору може бути охарактеризована, передусім, як своєрідна форма людського знання, що містить в собі певний рівень інформації про об'єктивні зв'язки і відносини, що складаються у соціальному світі. Іншою важливою стороною правової свідомості є пізнання, що виражається в тенденції відображати не лише вже відомі сторони соціального (правового) об'єкта, але також і нові зв'язки і відносини, закладені в ньому. Правова свідомість належить до одного з найактивніше діючих різновидів суспільної свідомості, бо в ній соціально-практична сторона переважає над пізнавальною і оцінною функціями. Як форма суспільної свідомості вона (правосвідомість) є відображенням суспільного буття, пов'язаного з об'єктивними політичними і правовими відносинами, відображенням, яке здійснюється за допомогою уявлень і понять про право, закон, справедливість, суд, суб'єктивні права, і яке спрямоване на зміцнення або зміну існуючої законності, правопорядку.

Практично усі вчені відзначають, що поняття «правосвідомість» відображає взаємозв'язок права зі свідомістю: якщо право є об'єктивною реальністю, то правосвідомість — це суб'єктивна реакція людей на право, тобто право у тому вигляді, у якому воно існує в свідомості суспільства.